

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЛОГДА СЕГОДНЯ

УДК 821.161.1(470.12)

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ОБ АНДРЕЕ ТАЮШЕВЕ

Обзор творчества Андрея Таюшева, поэта, драматурга, живущего в Вологде, и публикаций о нем и его творчестве.

Андрей Таюшев, Вологда, поэзия.

Андрей Таюшев (род. 10 декабря 1968 г. в Саратове) в поисковиках интернета на большинстве фотографий – с гитарой. Подчас сначала появляются предложения скачать его песни, а только потом – стихи. Поэт Ната Сучкова, рекомендуя принять Андрея в Союз российских писателей, отметила: «Стихи Таюшева музыкальны, многие из них – песни. И при этом лишены всех тех недостатков, что делает текст песни не более, чем текстом песни. Песни Таюшева – именно стихи, это редкость среди поющих поэтов. Им не нужны подпорки, они звучат одинаково хорошо и с листа, и под гитару» [4].

Подборки стихов опубликованы в «Литературной России», «Вологодском ладе», на евразийском журнальном портале «Мегалит» и др.

По прошествии лет самиздат Андрей показать не захотел. Упомянул сборник Юрия Малозёмова¹ 2001 и книгу «Раз в неделю», выпущенную в 2002 вместе с Павлом Тимофеевым².

В 2015 в серии проекта «Том писателей» Вологодского отделения Союза российских писателей вышла книга «Об Пушкина» [7]. Ната Сучкова все в той же рекомендации в СРП упомянула, почему она как редактор и составитель «Тома» предложила Андрею участвовать в нем: «Ирония, юмор, жизненная мудрость его стихов подкупают, заставляют пристально вчитываться, вглядываться в них. Многие – врезаются в память» [4].

Следующая книга стихов «Обходчик» вышла в Москве в 2018 [8].

Кроме того, Андрей дал звучать на русском нескольким текстам группы «Кинкс», Боба Дилана (два вошли в коллекционное издание «Боб Дилан: 100 песен и портретов»), Лу Рида и др.

А. Таюшев. 1989 г.

Для театра им написаны две пьесы: по поэме М.Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша» и «Франсуа Вийон».

Андрей – из театральной семьи. Станислав Владимирович Таюшев – режиссер, заслуженный деятель искусств. Вера Павловна Таюшева – актриса.

«Тамбовскую казначейшу» Андрей писал в конце 1990-х, и позднее «Отчаянный игрок» по поэме Лермонтова шел в Астрахани. Этой пьесы он мне не показал: «не для чтения сие, а для игры актерской». «Франсуа Вийона» считает «вполне театральным» и – «качественнее по стихам» [из переписки]. Большая часть пьесы сочинена в 2008 году, потом доработана.

«Жизнь и странствия Франсуа Вийона» – пьеса из 17 сцен и вставной главы (о приезде героя в Москву) перед последней сценой [6].

¹ Юрий Полиэктович Малозёмов (1955–2016) – издатель, краевед, коллекционер, собиратель. Человек, сделавший много для вологодской литературы. Писал и сам: «Пожарные записки: Зарисовки из жизни» (Вологда, 2004), «Неизбранное: Рассказы, зарисовки» (Вологда, 2008), «Юре верю: рассказы, записки, зарисовки» (Вологда, 2012).

² Павел Леонидович Тимофеев (род. 1970) – поэт, член Вологодского отделения Союза российских писателей.

*Я рос мальцом болезненным и хилым:
Ветрянка, корь... да всем переболел я.
От роду суждена была могила
Мне ранняя. Однако это тело
Все вынесло – и коклюш, и простуду,
И даже понемножечку окрепло...
Но я узнал, как в мир глядеть Оттуда,
Где все лишь прах, гнилье и кучка пепла.*

«В духе Вильяма нашего Шекспира» введен
Призрак:

*Сын! Моя плоть, моя кровь, моя боль...
Боль за тебя, что и в Смерти не молкнет.
Знаю, меня и не помнишь ты толком,
Мне не помочь тебе... молвить позволь...*

Вийон сомневается:

*Кто это? Кто ты? Ты ликом – отец...
Но – невозможно! Все выглядит дичью!
Духи являются в милых обличьях
Для сокрушения души и сердец...*

В статье «Таюшев и вечность» Антон Чёрный отмечает: «...образ разбитного пьяницы, дебошира, поэта-хулигана был выведен Таюшевым с той окончательной достоверностью, что познается только на своей шкуре. К счастью, наш “хулиган Вийон”, в отличие от исторического прообраза, остановился на краю пропасти» [10].

*К тебе, Господь, «де профундис» взывая,
Чрез головы судов и королей, –
Молю – услышь! – Душа моя живая
Так жадно алчет милости твоей!
Моя душа – она ж не из железа!
Истерзанной, измученной, нагой –
Что слава ей и все богатства Креза? –
Важны ей только воля и покой...
Немного хлеба, и вина, и сыра –
Чтоб телу с голодухи не истлеть.
И пара ног – чтоб странствовать по миру.
И пара глаз – чтоб на него глядеть.
И слух – чтоб слышать ангелов напевы,
Шум Времени и Вечности прибой.
Язык – чтоб воспевать красоты дев. И³
Разум – чтоб беседовать с тобой.*

Вернемся к биографии. Прежде чем в сентябре 2002 осесть в Вологде, Андрей жил в Саратове, Хабаровске, Ярославле, Москве, снова Саратове. Диплом о среднем образовании получил в вечерней школе перед армией. Дважды уходил с филфака Саратовского государственного университета. В 2008 заочно окончил исторический факультет Вологодского государственного университета.

³ Андрей любит анжамбеманы. Знаки препинания он ставит в строке, но не в конце строк, поэтому в данном, например, случае (начиная с «не истлеть» и до конца строфы) дискуссионно, ставить ли точки, запятые или оставлять без знаков препинания. Интонационно он читает достаточно ровно (без особых различий между точкой и запятой в написании), устремляясь вперед, при этом не торопясь.

В Вологде об Андрее Таюшеве впервые написала журналист Ольга Ильинская в областной газете «Премьер» в 2011 [2]. Статья называлась «Неправильная жизнь». Андрей не скрывает: «У многих моих друзей – поэтов, музыкантов – есть другая приносящая деньги профессия, к которой они относятся без отвращения. Это очень здорово. А я так и не научусь зарабатывать деньги» [2]. При этом он воспринимается как реликт творящего мира, подчас расходящегося с миром «новым».

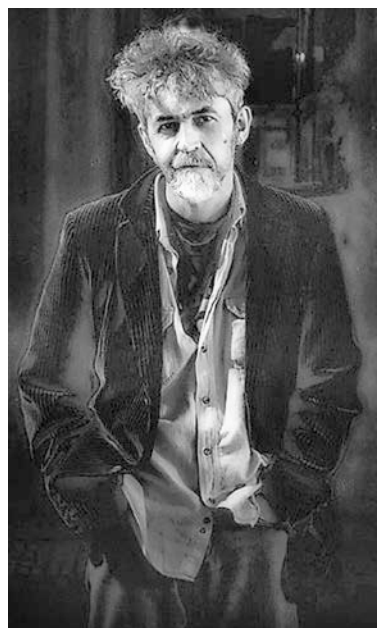

А. Таюшев.

Фотография Алексея Кириловского. Январь 2014 г.

*Кончились Феллини и Тарковский –
Фильмы их мы смотрим словно сны.
Новый мир – какой-то не таковский:
Плоский и лишенный глубины.*

*Или это нас подводит зрение,
Погружая души в полумрак?
Мы глядим вокруг в недоуменье:
Что это? Зачем это? И как?*

А. Таюшев. Фотография Михаила Мовшица, 2016 г.

Мы познакомились совсем недавно, встретившись за кофе. В голове звучало его стихотворение:

*Вся твоя жизнь будет сыграна, словно по нотам,
Если не помнить того ощущения полёта,
Что было раньше...*

Он не утратил

*Эту способность летать – наяву ли, во сне ли?
Просто парить – без какой-то особенной цели.*

Его по-прежнему не прельщает перспектива

*...пахать папа-карлой в дурацкой конторе
За три копейки, мечтая поехать на море,
Чтобы увидеть разок хоть, хоть краешком глаза,
Как оно выглядит море-то...*

В общении Андрей легок. Когда тема трогает за живое, выразительные глаза зажигаются счастьем ребенка. Следующим строкам не веришь – веришь исходящему от него свету:

*... Но только летаешь всё реже –
Рже и ниже. Того и гляди, тебя срежет
Жизнь или Смерть, что работают вечно на пару:
Дарят тебе, а потом забирают подарок –
Эту способность летать...*

Даже в разговоре очевидно, насколько он знает цену слова.

*Слово вырваться готово:
Вот та дверь, и вот – ключи.
Высказать успеши слово
Иль полслова, четверть слова,
Дальше – вовремя молчи.
Пусть то слово будет кратко
И весомо, как свинец.
Будет в нем пускай загадка,
И начало, и конец.*

О себе говорит скромно:

*Ты кто? Поэт и переводчик? –
Нет-нет, я просто перевозчик,
разносчик как бы и доставщик
сюжетов мыслей и т.д. ...
Коплю я их в свою копилку –
они всегда везде со мной:
они стучат мне по затылку
внутри коробки черепной,
они так просят наружу:
«пусти нас, выпусти, открой...»
Я сам им вовсе и не нужен –
и хрен со мной...*

Предисловие к книге «Об Пушкина» написала Анна Герасимова⁴. Она справедливо отметила «улыб-

ку спокойного отчаяния и полное отсутствие рисовки» [1, с. 3]. Согласно ее описанию, я ожидала увидеть «похожего на чёртика сухощавого мужичка с очень живыми черными глазами» [1, с. 3]. Мне Андрей напомнил мудреца-алхимика. Не исключаю, что раньше в нем было больше от трикстера. Он – отменный собеседник. Качество общения отметила и Анна. И – воздержалась от употребления слова, не используемого в отношении современников: «Мне трудно писать о стихах Таюшева, ведь он один из моих ближайших друзей. Для гения он слишком хороший парень, кроме того, у него безошибочный вкус и чувство юмора, в том числе самоирония, а гениям это не свойственно. Но он является редким в наше время представителем традиционной поэтической школы: стихи не про форму и не во имя ее, а про жизнь и собственные размышления» [1, с. 3–4].

В мае 2015 журналист Владимир Пешков в газете «Премьер» зафиксировал переход Андрея Таюшева к официальной печати: «Об Пушкина» была первая «книжечка с номером» [3].

В июле 2015 в рецензии «Таюшев и вечность» («СеверИнформ») Антон Чёрный, поэт, переводчик, обратил внимание на то, что новая книга поэта и музыканта представляет «старое и лучшее» [10]. Отметил «мастерство эмоционального контрапункта, приема несовпадения содержания и интонации», отсутствие стремления «выпячивать свою образованность»: «Цитаты в его стихах, как правило, смазанные, ненавязчивые, нечеткие» [10]. Я бы не стала утверждать, что Андрею «чужды постмодерные игры остроумия, ажурные центоны и нарисованные двери чужих смыслов» [10]. Напротив, в играх остроумия и остроумия он искусен; центонность ему свойственна; коллажи, по-моему, бесконечно любит. В строчках ставит маячки [7, с. 55]. Называет важные для него имена. «Книги, книги... / Хармс, Олейников и Пригов, / Бродский. И совсем был нов / Некто Саша Соколов», – отмечает он в стихотворении «Собаковод» [7, с. 17].

Антон Чёрный остановился на названии книги и двух ее центральных вещей («Опять, об Пушкина!» и «Тьфу ты, черт! Об Гоголя!»), отметил отсылки к обэриутам, абсурдным пьесам Хармса, страшным сказкам и «столбам» Заболоцкого, «детским ужасам» Введенского. Сказал об особом отношении к Егору Летову: «У них общие корни в обэриутском искусстве нонсенса, моделирующем хаос мира через хаос слова» [10].

Елена Титова, доцент кафедры литературы ВоГУ, в личной переписке со мной упомянула Шпаликова и Кибирова: «Мне в Андрее иногда явственно слышна нота Шпаликова. В этой вот ясности и легкости восприятия мира при отсутствии легкомыслия. Но в ритме они не совпадают. И образ его жизни – все эти путешествия, концерты, перемещения – от шестидесят-

составитель и комментатор собраний сочинений Константина Вагинова, Александра Введенского, Даниила Хармса. Переводчик двух романов Джека Керуака («Бродяги Дхармы», «Биг Сур»), переводчик-составитель книг литовских поэтов и книги Томаса Венцловы «Metelinga. Стихотворения и не только» (2017). Выпустила несколько сборников стихов и порядка сорока музыкальных альбомов. Живет в Москве и Вильнюсе. объездила с гастролями сотни городов по стране и за рубежом.

⁴ Анна Георгиевна Герасимова – филолог и переводчик, автор стихов и песен, рок-музыкант. Родилась в Москве. В 1979–1983 училась в Литературном институте им. Горького на отделении художественного перевода, в 1983–1986 – в аспирантуре. Защитила кандидатскую диссертацию «Проблема смешного в творчестве обэриутов» (1989). Автор многих статей по русскому авангарду,

ников. И как хорошо, что он избежал влияния Пригова, а кибиrowsкую иронию подхватил». Андрей оценил верность слышания: «О Шпаликове – очень ценно и точно. Я его не так хорошо знаю, но те стихи, что читал, – очень близки, понятны, созвучны. Иногда – до удивления (со стихами Прокошина – та же история). Второе редкое попадание – Кибиrow. Когда я его впервые прочел (начало 90-х), сначала даже расстроился: потому что понял, что некоторые мои стишки настолько похожи интонационно, что их даже показывать неловко – в подражательстве обвинят» [из переписки].⁵

Напомню ответ на вопрос Анны Герасимовой, когда и как Андрей начал писать стихи: «Лет в семнадцать, после того, как прочитал Мандельштама. Все, что я успел написать до армии, было эпигонским подражанием Мандельштаму, и все это, к счастью, пропало» [1, с. 4]. Не уверена, к счастью ли, но Мандельштам в нем жив.

Анна Герасимова (Умка) и Андрей Таюшев в Доме дяди Гиляя. В день 50-летия Андрея. Фотография Александра Белоусова

Теперь уже очевидно, что Андрей Таюшев творчески продолжает традиции мировой поэзии. Наслаждаешься узнаванием цитат, видением аллюзий, ощущением преломлений в новых контекстах. Иногда хочется переспросить: «Бездна, полная звезд» [7, с. 31] – это «Открылась бездна звезд полна...» Ломоносова? Но особого смысла в таких вопросах нет. Знающий вспомнит и медитации Джона Донна, и «По ком звонит колокол» Хемингуэя; незнающий – воспримет как авторское:

⁵ Далее последовала дискуссия. Андрей Таюшев: «Подхватил кибиrowsкую иронию» – не совсем верно. Моя «ирония» просто совпала с «кибиrowsкой» – время такое было, видимо. С тем же успехом можно вспомнить про иронию Ерёмко, иронию Степанцева («Бухгалтер Иванов»), иронию Иртенёва («Люблю Чайковского Петра!») и массу иных стихов» [из переписки]. Елена Титова: «Ирония Иртенёва – другая... Она основана на парадоксе и совмещении бытовых реалий с патетикой почти советского стиля. А ирония Кибиrowa вырастает из культурно-литературных аллюзий, в этом смысле не время такое, а общность заправки этой иронии роднит с Кибиrowым. При этом подхвате не теряется лиричность, не перерастает в сарказм и публицистичность. Образно говоря, Иртенёв – не старший брат Таюшева, Кибиrow – брат, хотя и сводный» [из переписки].

*Сыплет, сыплет мартовский снежок...
Полупозабывтый твой ожог
О себе напомним, но – слегка,
Смутно, глухо, как издали.
Видишь небо? Слышишь этот звон,
Что к тебе доносится сквозь сон?
Только ты не спрашивай, «по ком?» –
Страх держа под каменным замком.
Небо, словно колокол большой,
То звонит – над всякою душой.*

Из толстожурнальных статей выделю «Вологодский поэтический указатель» Елены Титовой («Октябрь», 2016). Раздел, посвященный Андрею Таюшеву, основан на восприятии книги «Об Пушкина» и публикации в «Вологодском ладе» [5]. Они позволили Е. Титовой заметить «не только то, что Андрей Таюшев вполне самостоятелен в своих стихотворениях, но и ощутить органичность его слова в контексте современной вологодской поэзии» [9]. Мне его голос представляется не просто «вполне самостоятельным». Для меня Андрей Таюшев – бесспорная творческая индивидуальность. Стоит ли настаивать на вологодском контексте его творчества? После первой книги мне казалось, что интернетная жизнь XXI века, включенность в мировую поэтическую традицию, индивидуальное восприятие себя («Пассажир-наблюдатель, для всех – попутчик» [7, с. 54]) не делают привязку к Вологде определяющей:

*Руки-ноги есть, да и сердце бьется,
Хорошо живется – пока живется,
Хоть на Марсе, хоть на Руси.*

В его стихах с описаниями, соотносимыми с Вологодой, к последней строке происходит неминуемый выход за какие-либо рамки:

*Ночь в русском городе на севере. Зима.
Желтеют фонари и снег под ними,*

*На улице безлюдно, как в пустыне,
И ни окошка не горит в домах.*

*Всё словно вымерло. А ты один и мал,
Настолько мал – в огромном мире, ночью,
Что ты не можешь спать, не зная точно,
Ни кто ты есть, ни как сюда попал.*

Показательно, что в первой книге Ната Сучкова дала на одном развороте это стихотворение и – посвященное Саратову:

*Город С. Не рай, не ад.
Тут не дно, а днище.
Конса. Липок аромат.
Есть музей Радищева.
Чернышевский смотрит вслед,
На нем очки-велосипед,
Одет он в каменный стюртук.
Он говорит: «Что делать, друг?
Родился тут и тут помрешь,
Как мышь, как клоп, как вошь».*

Андрей попробует еще раз «заземлиться» – уйти в прошлое:

*А раньше тут еще играл духовой оркестр,
Прямо на проспекте у кинотеатра «Пионер»,*

чтобы потом – с узнаваемой песней – вознестись с шариками в небеса:

*Когда мы были молодыми,
Когда мы были молодыми,
Азербайджанка тетя Валя
Варила самый вкусный кофе.
Когда мы были молодыми,
Когда мы были молодыми,
Летели шарики по небу –
И желтые, и голубые.
И нам казалось, не умрем мы –
Никто, нигде и никогда...*

Иногда – «по настроению» – Андрей возвращается и что-то переделывает. Здесь он поменял вторую часть:

*Но духовой играл оркестр
У «Пионера» на проспекте,
Когда мы были молодыми.*

*И тетя Валя в «Аромате»
Варила вкусный крепкий кофе,
Когда мы были молодыми.*

*Летели шарики по небу –
И желтые, и голубые.
И нам казалось, не умрем мы –
Никто, нигде и никогда...*

Вернемся к обзору Елены Титовой: «Сборник получился состоятельным как по произведениям, передающим ощущение этапов собственной жизни, так и

по текстам, в которых воплощен опыт читательского восприятия литературных образов и сюжетов» [9].

И за этапами жизни, и за опытом читательского восприятия всякий раз – бесконечное и пронзающее чувство экзистенциального одиночества:

*И куда ни подайся, везде только гостем да гостем,
То незванным, то званным (что реже), но всё – не родным.
Ты пребудешь навеки, всё это отметив без злости,
Выходя за порог и вдыхая забвения дым.*

*Что с того, что тебе никогда со страной и народом не слиться?
К берегам никаким не прибиться, не спрятаться за...
Меж тобою и всеми проходит как будто граница:
Ни пройти, ни проехать, концы не свести, не связать.*

*И витийствуя в кухне, шаманя в каком-нибудь зале,
И слоняясь по улицам разных чужих городов,
Ты всегда чужероден, поскольку тебе отказали
В этих родственных связях, и ты отказаться готов*

*Сам от них – с каждым годом охотней и чаще,
Не пропащий, но лишний, стоящий вне всяческих уз,
Расплавившийся с прошлым, себя не найдя в настоящем,
Позабывший, как выглядит время, каков его запах и вкус.*

*Жернова потихоньку скрипят, и в муку перемелется мука,
Ну-ка, встань и ходи, ведь не век же тебе тут лежать,
Удалйся от всех – эхом смеха, рассеянным, тающим звуком,
И потом, через тысячу лет, возвращайся опять.*

Андрей Таюшев – в очень личных отношениях с Эвтерпой, покровительницей лирической поэзии и музыки, и Клио, музой истории («Клио ты, Клио...»).

Думая об Андрее, я перечитала статью «Традиция и индивидуальный талант» Т.С. Элиота, подчеркивавшего, что традицию «нельзя унаследовать, и, если она вам нужна, обрести ее можно лишь путем серьезных усилий. Она прежде всего предполагает чувство истории, можно сказать, почти незаменимое для каждого, кто желал бы остаться поэтом и после того, как ему исполнится двадцать пять лет; а чувство истории в свою очередь предполагает понимание той истины, что прошлое не только прошло, но продолжается сегодня; чувство истории побуждает писать, не просто сознавая себя одним из нынешнего поколения, но ощущая, что вся литература Европы, от Гомера до наших дней, и внутри нее – вся литература собственной твоей страны существует одновременно и образует единовременный соразмерный ряд» [12, с. 158].

Андрей Таюшев включен в традицию, взаимодействует с ней. С его остроумием и остроумием, изяществом художественной формы, он напомнил мне английских поэтов-метафизиков. Обратившись к традиционному перечню свойств метафизического текста, отмечаешь концентрацию смысла его текстов; драматическую, глубоко личную ситуацию лирического монолога; разговорность тона, отторжение искусственного, придуманного, неразговорного; построение текста как остроумного доказательства; метафоризм; медитацию; мужественность речи («masculine expression»); крепко сделанную строку («strong line») [11, с. 18].

При этом Андрей живет песней. (Отмечу, что встретились мы в новом для него кафе, и первый его комментарий – одобрение качества музыки.) Его стихи музыкальны – имею в виду уже не песенную, а поэтическую музыкальность. В третьей книге появят-

ся верлибры. Мне показалось, Андрей сам этим несколько удивлен.

Сопрягаемые им материи и понятия в лучших традициях «метафизиков» «далековаты», неожиданны и – памятни:

*С жизнью мы, словно Герасим с Муму, –
Связаны тесно и кровно,
Но бессловесно, безмолвно.*

Когда Андрей упомянул о желании перечитать Сервантеса, хочешь, чтобы не передумал, открыл его читателю, как открыл своего Пушкина, Гоголя:

*Гоголь, Гоголь, где твой Нос?
Чёрт куда его унёс?
Ты оставил дальни страны,
Воротясь, как в гроб, – в Москву,*

*Чтобы тут сжигать романы?
Поздно, братец! – Наяву
Воплотились персонажи,
Порождённые тобой...*

*Всё слышней, страшней и гаже
Их унылый, тяжкий вой.
Это – слышишь – воет Вий,
И поди его убий!*

*Гоголь, Гоголь, где твой Рим?
Солнце, вина и спагетти?
Болен ты и нелюдим –
И совсем один на свете.*

*Вот теперь болей и трусь,
Когда Виет смотрит Русь.*

Как читатель, ты внимательно наблюдаешь за его дневным сознанием. Промежуточным: «Сон – не сон? Полусон, полубред, полужавь» [8, с. 32]. Ночным:

*Мне снится: ветер, звери, птицы
И листья шепчут, замирая:
«Попей, попей, попей водицы,
Там – мёртвая, а там – живая»...*

За ответственным отношением к ночному:

*Не ошибиться б ненароком,
Не промахнуться бы случайно,
И яркий свет – сплошным потоком –
За дверью, за которой – тайна.*

В финале книги Андрей Таюшев пробует представить диалог с Богом – и ему удастся. То, что в начале стихотворения кажется досужим – скорее, родительским или соседским, разрастается:

*Говорит мне Бог: «Заведи кота,
Перестань мотаться туда-сюда.
Поступи на службу. Крепи семью.
Посмотри, как сильно тебя люблю.*

*Ведь не дал тебе, дураку, пропасть,
Когда лез без мыла ты Смерти в пасть,
А ведь мог бы просто махнуть рукой,
Наплевать на всё, раз уж ты такой*

*Никудышный парень, а я же – нет:
Всё берёг, хранил тебя столько лет!»
Впрочем, Бог, подумав, сказал: «Ну что ж,
Что с тебя, дурака, вообще возьмёшь? –*

*Да живи, как знаешь, пока живой,
Ведь делить-то нечего нам с тобой...
Вы же все мои – дети, куда от вас
Мне деваться? – Некуда. Каждый раз,*

*Когда вы косячите, – больно мне.
Вам потом хреново, а мне – вдвойне,
Оттого что вас я спасти не смог.
Может быть, спасётся. Храню вас. Бог»*

*Андрей Таюшев в Риме. Август 2014 г.
Фотография Владимира Пешикова*

Вспомнились строки И.О. Шайтанова о восприятии русским сознанием мироощущения барочной (в том случае) лирики: «...православие не знает такой непосредственности соприкосновения духовного с личным на основе именно личного, когда поэт вступает в общение с Богом, не оставляя своего эмоционального, даже чувственного опыта...» [11, с. 6]. В стихах Андрея соприкосновение самое что ни на есть непосредственное. При первой встрече я рискнула спросить, не протестант ли он по своей натуре. Улыбнулся: нет. В университете при написании диплома он углубился в Лютера, Цвингли, но заговорил об отрезвляющем состоянии православия. В дальнейшем общении, особенно в ходе Рождественского поста, сомнений не осталось. Я просила Андрея заполнить анкету, некогда предложенную Андрею Тарковскому. Он так и вписал свои ответы – после Тарковского. Воспроизведу вопрос – ответ Андрея Тарковского – ответ Андрея Таюшева:

- Что явилось бы для Вас наибольшим несчастьем? – Война. – Утрата веры в Бога.

- Что бы Вы хотели видеть в себе? – Хотел бы сохранить верность самому себе. – Верность Богу.

- Как бы Вы хотели умереть? – Во сне в своей постели. – «Христианской кончины живота нашего, без-

болезненной, непостыдной, мирной, и доброго ответа на Страшном Суде Христовом просим» [из переписки].

У «Обходчика» тираж 100 экземпляров – даже для друзей недостаточно. По-видимому, следовало бы сделать 2-е издание, но Андрей закономерно думает о будущем. Следующая книга уже готова – возможностей опубликовать нет.

Дизайн «Обходчика» Веры Прыгановой

«Обходчик» включил в себя стихи 2015 – 2018. В рамках круговорота времени (лето – осень – зима – весна – лето – осень – зима) в разговор включены разные сферы. Начинается с «летнего»:

*Ночью жара спадает, и воздух становится свеж,
Соловьи заливаются, или кто там еще? – Промеж
Новой густой листвы. Пения водопад.
Июнь наступил десять минут назад.
На рояле в четыре руки, в восемь рук, в сорок восемь рук
Ночь играет. Растёт, нарастает звук.*

Вот и лето.

В этом первом лете все слуховое обострено:

*Июльский жар, июльский зной
Не остывает и в ночи.
Гроза проходит стороной,
Далёкий гром во тьме ворчит.*

*Ворчит, урчит, кричит, мычит,
Копытами стучит
...*

Лирический герой – горожанин. Интеллектуал. Артистичный. Тревожный. Когда не спится, чутко вслушивается. Видит причудливые сны. Жалеет об упущенных возможностях, например, что не успел – «по невезению и лени» – увидеть, пообщаться с дедом Владимиром, уехавшим в Штаты:

*...
Я б расспросил его про Время,
Про все зарубки и заметки:
Как раньше жили, были кем, и
Как умирали наши предки.*

*Как в сорок первом с Украины
Они в Саратов уезжали.
Теперь останутся руины
От этой жизни – как мне жаль их!*

*Теперь навечно эта дверь мне
Закрылась, хлопнув перед носом,
И остаются лишь потери
И нерешённые вопросы.*

Денис Романенко, Вера Прыганова, Андрей Таюшев.
Январь 2020 г. Фотография Владимира Пешкова

Время и память – центральные темы. Поразительны стихотворения, посвященные ушедшим. Прочитую памяти Михаила Копьёва (13 мая 1947 – 19 августа 2017) – запечатление процесса перехода к преображению:

М.К.

*Остался только дух. Плоть истончала.
Казалось, дунь – не станет. И не стало.
Бог свидеться привёл в последний раз
Нам незадолго до его кончины.
Физически – почти уже угас:
Худой, прозрачный и неизлечимый
Приветствовал движением руки
Вошедших. Озарил огоньки
Глаза его, под пепла лёгким слоем
Небытия, вползающего в дом,
Что разрушался, слушался с трудом,
Ждал встречи с окончательным покоем.*

*Похожий на библейского пророка
У своего последнего порога,
Который он почти переступил,
Глядел на нас, сквозь нас – в такие дали,
Что различимы нам с тобой едва ли,
Куда он медленно, величественно плыл.*

*И на Преображение – уплыл.
(Август, 2017)*

Осенью дано больше «просто» зарисовок – фотографий внутреннего состояния:

*А за окном всё тот же дивный вид...
Сквозь толщу осени зима уже маячит,*

С утра церковный колокол звенит,
Ребёнок плачет...
А маменька рычит ему: «Молчи...»
И за руку волочит за собою,
Спеша куда-то. Тучи небо кроют,
И воздух, с дымом смешанный, горчит.
О чем бишь я? – Да, в общем – ни о чем.
Вдохнул – и выдохнул, едва пожав плечом.

4

Уныния и праздности тоскливый мелкий бес
Вошёл ко мне в доверие и в дом ко мне пролез.
Я буду мыть посуду, начну с азов, с основ,
Я буду, буду, буду читать молитвослов.

Органично звучит библейское, ставшее своим:

Марфа

Я гостей-то встречала как надо:
Хлопотала меж них до упада,
Вся-то сбилась я с ног сгоряча,
А Мария-сестра – разве дело? –
Рядом с Господом сиднем сидела

Не обидно ли? – Господи, что же
Мне Мария, сестра, не поможет?
Ты скажи ей... А Он мне в ответ:
«Марфа, ты суетишься о многом,
Но оставь суету за порогом,
Принимая дарованный Свет».
(2018)

Зима – и Андрей Таюшев апеллирует к вопросам, проблемам истории («Клио», «9 января 1905», «Почев», «Юнкер Йорг» в тексте и «Лютер» в оглавлении и др.), литературы («Андрей», «Хома» и др.). Обращается к сюжетам картин, делая их объектом стихоисследований: «Картина мастера. Теперь на раз-два-три / Представь, что ты находишься внутри / Картины этой...» [8, с. 35]. Погружается с мир старых фотографий («Мы на фото», «Фотографии полистай»).

Андрей Таюшев и Антон Чёрный.
Фотография Алексея Кириловского

Не стремясь здесь к прорисовке годового движения и происходящих изменений, обращаю внимание на стихи о себе и о Вологде. «На смерть зуба» – о прощании с прошлым, о том, как проходят фантомные боли:

Я жив одной лишь силой духа –
Пришли такие времена:
То вдруг понос, то золотуха,
То сердце ёкнет, то спина.

Вчера болел, но жил при этом,
А вот сегодня вырван зуб –
Теперь под лампы ярким светом
Лежит бесчувственный, как труп.

Всё меньше вас, родные зубы,
Всё меньше тянется корней
Из тех времен, простых и грубых,
Мятежной юности моей,

Когда как скиф я зубы скалил –
Весь их прекрасный, стройный ряд.
Одно отрадно средь печали –
Что не болят.

К весне значительно обостряется восприятие духовного мира. Процитирую из «Великого Поста»:

Лютуют черти
В полный рост –
Им против шерсти
Великий Пост.
Густеет мрак,
И неспроста
Крепчает враг
К концу Поста.
<...>

3

Вологда настолько зрима, что ты буквально ощущаешь этот быстрый путь от железнодорожного вокзала до парка ВРЗ и – до «дома начала двадцатого века», где 13-й (на тот момент) год живет Андрей:

Пороки всей толпой спешат на мой порог.
Набор страстей известный, как два пальца.
То в сердце Лесть отыщет уголок,
То Блуд мне резанёт серпом по яйцам.
Шум ярости взрывает тишину,
И Зависть что-то шепчет мне на ухо,
И Жабя жадности выпячивает брюхо,
И Волк унынья воеет на луну...

Я обратно вернусь через месяц:
Над вокзалом – оскаленный месяц,
Город пахнет осенней листвой.
Миновав суетливых таксистов,
Закурю на ходу я и быстро
Зашагаю домой.
Путь дворами знакомыми срежу
И, вдыхая сентябрьскую свежесть,

Прямо в парк ВРЗ я приду.
Ветер тих, и спокоен, и ласков,
И лежит золотистая ряска
На подлунном пруду...

Дом начала двадцатого века,
Дом-обломок и полукалека, –
В нем живу я тринадцатый год:
Вот на кухне окно мое светит,
Как родного, оно меня встретит

И за двадцать шагов подмигнет:
- Здравствуй, здравствуй, родная домина,
Где на стенах в углах паутина,
И от дыма стал жёлт потолок.
Завершается вновь одиссея.
Закрываю счета её все я,
Проходя за порог.

Андрей увековечивает Вологду: «...Всё тоскую о чем-то, как некий овидий, / В вологодском бездонном краю...» [8, с. 80].

Очень интересна тема творчества. Против смерти нет иного лекарства, кроме бессмертия, и Андрей Таюшев создает его раз за разом: стихи становятся капсулами времени. Он запечатляет таинство творения. Ограничусь двумя строфами из разных циклов:

* * *

Шум за окном на время словно стих,
И странную походкой входит стих,
Насвистывая иль напевая что-то,
Куря небрежно прямо на ходу.
В его мозгу не то что бы работа,
Но противоположное труду.
И, правда, если вдуматься, то тут,
Скорей, игра какая-то, чем труд, –
Как в океане без конца и края,
Ловить волну, слова перебирая.

* * *

В состоянии пограничья
Сам начну свистеть по-птичьи,
Позабыв по-человечьи.
Тридцать семь и два...
Тридцать восемь или сорок –
Всё едино: омут, морок,
Распадение мысли, речи,
Стонет голова.
А закончится всё это
Лишь тогда, когда с рассветом
Шкура старая облезет,
Словно шелуха.
Постепенно отпускает...
Голова, как шар, пустая,
И болезнь уходит, тает
С выдохом стиха.

Пребук и окончательный вариант обложки

Переписка и встречи с Андреем позволяют приблизиться к пониманию, как он слышит. Говорить о себе ему удобнее с помощью стихов: «точнее и короче получается». Сегодня он пытается убедить, что я неправильно воспринимаю лирического героя «Обходчика», в результате чего советую пересмотреть книгу, а завтра в Facebook читаю следующее стихотворение:

Только лучше

задумался о том, какой же мой герой лирический, – возьми и книжечку открой его заметишь ты в любом стишке почти как в зеркало взгляни, внимательно прочти и выведи на свет: не дед ещё, но сед

*социофоб, хотя совсем не домосед
с собою у него, как водится, разлад:
не терпит ссор и драк, хотя и грубоват,
как кажется ему, бывает он порой
(лирический герой). карман его с дырой
не сноб, не джентльмен и не аристократ
похожий на меня (в чем я не виноват)
только лучше.*

*Андрей Таюшев с Марией Марковой.
Фотография Алексея Кириловского*

По поводу «лирического героя», подтвердив, что он «не тождественен», «во всяком случае – далеко не всегда», Андрей добавил: «иногда ЛГ – просто маска: утрированный образ какой-то грани личности: Козьма Прутков, капитан Лебядкин, лирический герой Хармса и Олейникова, Венчик Ерофеев, наконец, который не совсем тождественен Вендикту Ерофееву, равно как Эдичка Лимонов – Эдуарду Лимонову, Эдуарду Савенко, вернее» [из переписки].

Прямой речью своего лирического героя (и отчасти Таюшева) на данный момент Андрей считает следующее:

*мы старые солдаты
не знаем слов любви
и забываем даты
чужие и свои*

*на этом чудном шаре
где всё вокруг горит
как минин при пожаре
как добрый айболит*

*спешит на помощь людям
какой-нибудь из нас
мы были, есть и будем
тянуть за уши вас*

*из вашего болота
из вашего огня
такая вот работа
такая вот фигня*

Себя Андрей назвал «русским поэтом седьмого ряда». Мне послышалась горечь, но Андрей уточнил, что ее нет: «Если бы была “горечь”, то это свидетельствовало бы лишь о непомерной человеческой гордыне и отсутствию благодарности к Творцу. Между тем, “Бог велик; главное то, что я не хочу, чтоб могли меня подозревать в неблагодарности. Это хуже либерализма!” (Пушкин)» [из переписки].

Расширив рамки интервью, Андрей в конечном итоге выстроил автобиографию (в полном виде она войдет в следующую книгу).

Литература

1. Герасимова, А. Улыбка спокойного отчаяния / А. Герасимова // Таюшев, Андрей. Об Пушкина. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – С. 3–4.
2. Ильинская, Ольга. Неправильная жизнь / Ольга Ильинская. – Текст : электронный // Премьер. – № 42 (733). – 18 октября 2011. – URL: <https://premier.region35.ru/gazeta/pr733/s34.html> (дата обращения: 27.02.2020).
3. Пешков, Владимир. Книжка с номером / Владимир Пешков. – Текст : электронный // Премьер. – № 20 (917). – 26 мая 2015. – URL: <https://premier.region35.ru/gazeta/pr917/s11.html> (дата обращения: 27.02.2020).
4. Сучкова, Ната. Рекомендация в Союз российских писателей поэту Андрею Таюшеву / Ната Сучкова // Архив автора.
5. Таюшев, Андрей. Голос из седьмого ряда / Андрей Таюшев // Вологодский лад. – 2014. – № 2. – С. 186–188.
6. Таюшев, Андрей. Жизнь и странствия Франсуа Вийона / Андрей Таюшев. – Санкт-Петербург : Editio Nigris, 2013. – 80 с.
7. Таюшев, Андрей. Об Пушкина / Андрей Таюшев. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 62 с.
8. Таюшев, Андрей. Обходчик / Андрей Таюшев. – Москва : Пробел-2000, 2018. – 88 с.
9. Титова, Елена. Вологодский поэтический указатель / Елена Титова. – Текст : электронный // Октябрь. – 2016. – № 8. – URL: <https://magazines.gorky.media/october/2016/8/vologodskij-poeticheskij-ukazatel.html> (дата обращения: 27.02.2020).
10. Чёрный, Антон. Таюшев и вечность / Антон Чёрный. – Текст : электронный // Северинформ. – 15 июля 2015. – URL: <http://www.severinform.ru/abzats/cherniy/640.html> (дата обращения: 27.02.2020).
11. Шайтанов, И. Уравнение с двумя неизвестными (Поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский) / И. Шайтанов // Вопросы литературы. – 1998. – № 6. – С. 3–39.
12. Элиот, Т. С. Традиция и индивидуальный талант / Т. С. Элиот ; перевод А. М. Зверева // Элиот, Т. С. Назначение поэзии. Статьи о литературе : перевод с английского / Т. С. Элиот – Киев : AirLand, 1996 ; Москва : ЗАО «Совершенство», 1997. – С. 157–165.

L.V. Yegorova

ON ANDREY TAYUSHEV

Review of the books by Andrey Tayushev, a contemporary poet and playwright from Vologda, publications on him and his works, correspondence with him.

Andrey Tayushev, Vologda, poetry.